

Библиотека им. И.У. Басаргина

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Рассказы



Владивосток
2021

Память сердца: сб. рассказов / сост. Н.Е. Матяш. –
Владивосток: Библиотека им. И.У. Басаргина, 2021. – 68 с.

В книге собраны воспоминания тех, на чью долю выпали тяготы и ужасы Великой Отечественной. Это особая категория переживших войну: они были детьми, когда на крыши их домов начали падать снаряды и бомбы, когда враг ступил на родную землю. Голод и холод военных лет, слёзы матерей и тоска по ушедшим на фронт отцам – это навсегда осталось в памяти сердца каждого из тех, кого теперь называют «Дети войны».

Авторы воспоминаний – участники клубного объединения «Исток» при библиотеке им. И.У. Басаргина (МБУК ВЦБС). Литературная обработка Н.Е. Матяш.

ББК 84(Рос=Рус)6



К читателю

Чем дальше во времени уходит от нас 9 мая 1945 года — великий день великой Победы, — тем более дорогой становится живая память людей, переживших это страшное лихолетье. Боже мой, как мало их осталось! И какая огромная ответственность на нас — детях войны, потому что теперь главным образом в наших руках эстафета этой драгоценной памяти.

Авторы книги, которую вы сейчас держите в руках, нашли замечательную возможность поделиться такой

памятью — они создали эту книгу. Ее невозможно читать без слёз. Есть в ней воспоминания скорбные, но есть и светлые, есть просто милые и даже забавные. Но главное во всех них — неподдельная, волнующая искренность и благородная глубина пережитых чувств. Удивительно, но у меня сложилось впечатление, что каждая маленькая история как бы приоткрывает читателю какую-то особую дверцу в душе и выводит его за пределы представленного сюжета, потому что в каждой видится его продолжение, за каждой видятся личности и судьбы.

И другое, не менее удивительное свойство есть у этих историй: они немедленно пробуждают в читателе его собственные воспоминания. И вот уже моя мама, пережившая все ужасы оккупации и чудом избежавшая плена, встает в сознании рядом с героями этой книги. И я сама, страстно желающая, чтобы к буханке хлеба в магазине дали маленький довесок, потому что его можно было съесть по дороге домой, — я тоже уже как будто живу на этих страницах.

Мне очень нравится, что все представленные в книге авторы, как бы они ни писали о таком страшном зле, как война, всегда неизменно добры в их сочинениях. Добром и любовью дышат рассказы о близких и родных, о довоенных семейных праздниках, о радостях, неожиданно случавшихся в военное время. И даже печали и тревоги — не от ужаса и не от озлобленности, а от мудрого осознания тех самых главных жизненных ценностей, которые отставались в войне.

Один из рассказов напомнил мне следующее. Во время московской аспирантуры я жила в знаменитой высотке на Ленинских (сейчас Воробьевых) горах. На нашем этаже проживали студенты и аспиранты из самых разных стран. Жили дружно и даже с незнакомыми всегда здоровались. Так и я каждое утро, готовя завтрак, обменивалась приветствиями с очень милой иностранкой. В какой-то

день разговорились и радостно выяснили, как много у нас общего: она занимается литературой, и я тоже; она единственная дочь в семье, и я тоже; у нее есть маленький сын, и у меня тоже. И вдруг она сказала, что ее отец погиб на войне, я только успела произнести: «И мой...». Тут мы обе смущенно замолчали и разошлись, не прощаясь. Она была немкой. Какое-то время избегали встреч и приветствий. Но в конце концов каждая что-то преодолела в себе. Друзьями не стали, но и врагами быть не смогли. Не для того ведь погибли наши отцы.

Отдельно надо сказать о людях, которые организовали эту публикацию. В первую очередь – о Наталье Евгеньевне Матяш, которая стала душой многих подобных мероприятий. Низкий поклон ей, замечательному коллективу библиотеки им. Басаргина за эту инициативу и всем, кто помогал ее осуществить. Добрые пожелания новых творческих результатов членам клубного объединения «Исток».

Е. Первушина,
профессор ДВФУ.
Родилась в 1944 году в Киеве.

РОВЕСНИКИ ПОБЕДЫ

Валентина Старовойтова

Когда была салютами
расцвечена Москва,
Читали мы по буквам
первые слова...
Не ведали, не знали,
чей будет жив отец,
А чай – в чужой Германии
приимет свой конец.
В чужом лесу он сгинет,
в чужой земле зарыт,
но в том краю, родимом,
не будет он забыт!
Над письмами солдата
не раз заплачет мать,
и карточку помятую
всё будет целовать.
И слёзы утирая,
детей к себе прижмёт:
«Что ж, знать, судьба такая,
отец наш не придёт...».
Я вижу класс свой снова
у школьного крыльца.
Серёжка, Зина, Вова –
У каждого второго
Война взяла отца.

Потёртые портфели,
заплатки на локтях...
Грустить мы не умели,
хоть вечно есть хотели
при скучных тех харчах.
Играли мы когда-то
всегда в игру одну:
чуть больше трёх – «Ребята,
а ну, давай в войну!»
И в играх этих детских
всё не могли решить,
кто – нашим, кто – немецким
солдатом должен быть.
Мы спорили упорно,
до слёз, до хрипоты...
Служили бастионами
окрестные кусты.
Тихони, непоседы...
Как дороги вы мне!
Те горести и беды
ушли, как в страшном сне.
Взрослеев стали, строже,
и всё же, всё же, всё же –
Ровесники Победы,
мы помним о войне!



ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ

Нелля Бутовец

Листая страницы детства, относящиеся к войне, я вижу колонны военных, уходящих на фронт, и слышу суровый, пронзительный гимн «Вставай, страна огромная».

— Зин, ну ты скоро?! Бежим! — кричала я с улицы своей подружке. Она выбегала, и мы, босоногие девчонки и мальчишки, устремлялись на центральную улицу, маршировали вместе с идущими к вокзалу солдатами. После переклички раздавалась команда: «По вагонам!», и из всех динамиков звучали проникающие в самое сердце слова:

«Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
Священная война».

Так для меня и слились воедино — солдаты, марш и ещё плакат «Родина-мать зовёт!»

Мы жили в Ачинске, сюда эвакуировали предприятия из западных городов, шло формирование воинских частей. Прибывшее оборудование заводов и фабрик выгружали, перевозили на отведённые места, тут же начинали сборку станков, не дожидаясь возведения здания, кипела работа под девизом «Всё для фронта, всё для победы».



ды!» Никогда ещё так не бурлила жизнь в нашем тихом старинном городке.



«Мама, я записалась в школу связистов, — заявила моя сестра Рая, — буду радиисткой» Мама всплеснула руками, хотела что-то сказать, но поняла — бесполезно. В подтверждение её мыслей Рая продолжила: «Ты пойми, я комсомолка, клятву давала!».

Как же я была горда поступком Раи! «Моя сестра скоро на фронт пойдёт, — говорила ребятам. Они смотрели на меня с сомнением: «А не врёшь?» — «Нет, сами увидите, когда к вокзалу пойдут».

Но всё произошло иначе. Рая попала в часть, которая формировалась не в Ачинске, а в другом месте, через наш город только состав проходил. Мама собрала что могла: тёплые носки, кофточку, что-то из еды. Хоть и было большой тайной, в какое время будет проходить поезд, на вокзале — полно народу. Гудок, состав приближается, чуть замедляет ход... Все надеялись, что поезд вот-вот остановится, но нет — проезжает мимо. Рая стояла на подножке вагона, окликнула нас, махала рукой. Мама рванулась к ней, запуталась в сумках, споткнулась, упала, а поезд, набирая скорость, мчался туда, откуда мало кто вернулся.

Мама лежала на рельсах, не в силах поверить, что дочь уехала, что не удалось ничего передать ей, даже словечко сказать. Я с трудом уговорила маму подняться и идти до-

мой. Она долго плакала, но надо было кормить нас, малышей, надо было работать, надо было как-то жить дальше.

...Нашей семье повезло, Раю вернулась. Мы стоим на вокзале, ожидая прибытия поезда, и тот же марш, но теперь торжествующе и победно, звучит в её честь.



Я ВЕРНУСЬ

Виктория Рыжакова



«**В**итенька, я вернусь, разобъём фашистов, и вернусь. Знаешь, как мы заживём! Я покажу тебе нашу страну, ты увидишь, какая она красивая и большая, не плачь, доченька, я вернусь, я вернусь с победой, ведь ты – Виктория, а это Победа», – так говорил мне отец, улетая на фронт. Мы провожали его с мамой, я громко плакала и никак не хотела отпускать от себя.

Папа, офицер авиации, он был такой красивый, добрый, сильный, присел на корточки так, что его лицо оказалось вровень с моим, и всё повторял: «Не плачь, не плачь, улыбнись, обещаю – я вернусь».

Своими крепкими руками поднял меня над головой и закружил, мелькают солнце, небо, облака...

Он легко вбежал на трап, шагнул в самолёт и вдруг резко повернулся назад и вновь, обнимая и целуя меня, повторял, как заклятие: «Я вернусь, я вернусь, я вернусь!».

Мама не могла мне простить, что из-за моих слёз отец, уже вой-



дя в самолёт, вернулся, а это плохая примета.

Вся наша жизнь была размечена от одного письма отца до другого. Мы читали, перечитывали их, и если долго не было долгожданной весточки, перебирали старые письма, ждали, ждали и ждали.

Апрель 45-го, понятно – война вот-вот закончится. Страшный треугольник пришёл за месяц до Победы. Не выполнил отец обещания, не выполнил, сложил голову на германской земле и похоронен там же.

Как и все, мы ликовали – конец войне, конец войне! Обнимались с незнакомыми людьми. Победа! Победа!

Я выполнила завещание отца, увидела нашу большую страну. Первая поездка из Владивостока в Москву на поезде. Из окошка вагона я видела прекрасные дали, заброшенные деревушки, величественные города. Незримо отец был со мной. Я побывала во многих местах нашей большой России и, наконец, в Германии, где он похоронен. И если говорят, что День Победы – праздник со слезами на глазах, я всем сердцем понимаю смысл этих слов.

Когда составлялась эта книга, вопрос, что я помню о войне, застал меня врасплох. Нас не бомбили, мы не голодали, по крайней мере, так сильно, как в Ленинграде, но пронзительной болью отдаётся в сердце прощание с отцом, ожидание его возвращения и страшный треугольник в руках мамы, так и ушедшей из этой жизни вдовой.

И этот миг бесконечного кружения в руках отца останется со мной до последнего вздоха.



ЗВЕЗДА ИЗ ФОЛЬГИ

Валерия Пржевальская



Мои воспоминания о войне, как ни странно, начинаются с оздоровительного лагеря в пригороде Ленинграда, открытого для детей, переживших блокаду. Это было чудо! Мы сидим за длинным столом, на котором большие тарелки с хлебом, но мы не притрагиваемся, ждём, когда раздадут по кусочку. Вкусный суп, отварная картошка и яйца, которых мы никогда не видели и стали есть прямо со скорлупой.

Я помню свои первые тетрадки (разрезанные на листочки мешки из-под цемента), прогоревшие угольки в тазике, поставленном мамой под мою кроватку, чтобы согреть постель. Помню бомбёжки, леденящий страх, проникающий во все клеточки моего тела. И всё-таки самое яркое, незабываемое, радостное событие в то страшное время – это Новый год тысяча девятьсот сорок четвёртого года.

О настоящей ёлке в блокадном Ленинграде не могло быть и речи... Из чего же её изготовить? Предложения были самые разные, но принято мамино. Она принесла своё нарядное, ещё довоенных лет бархатное зелёное платье с широкой юбкой-клёш и разложила на столе. Несколько движений ножницами – вот вам и ёлка. Приклеили на стену, готово!

А дальше закипела работа, даже о холода забыли. Кто-то нашёл клочок цветной бумаги — вырезали колечки, получилась нарядная цепочка. Бабушка из второй квартиры положила на стол настоящие новогодние игрушки дореволюционной поры: ангелочек, смешной клоун и снегурочка, обсыпаны блёстками, немного потускневшими. Я, самая маленькая из детей, принесла яркую картинку — солнышко. Я всегда рисовала солнышко, лёжа в постели, укрытая всем, чем можно, вытаскивала руку и рисовала солнышко на стене, покрытой изморозью. Даже после войны, в девять-девятъ лет, я рисовала солнышко.

В самый разгар нашей весёлой работы завыла ненавистная сирена. Быстро оделись, на бегу похватали игрушки — и в бомбоубежище, а когда вернулись, увидели: угол дома обрушен, ушла под обломки и наша ёлка.

И всё-таки на Новый год ёлка у нас была. Дворник дядя Вася пожертвовал свою метлу, к ней прикрепили прутья из веника, повесили игрушки — радости не было предела. А главный сюрприз — на вершине самодельной ёлки укреплена звезда из фольги, за нею системой проводков подключена лампочка, но мы этого не знали. Ровно в двенадцать звезды вспыхнула ярким светом и несколько минут сияла нам, как огонёк надежды, огонёк уверенности: наступит мирная жизнь, всё будет хорошо.



КУСОЧЕК ХЛЕБА

Людмила Матяш



«Папа вернулся, папа вернулся!» — что есть силы кричала сестра Клара. Она трясла меня за плечи, счастливо повторяя: «Папа вернулся, ты понимаешь — папа вернулся!» Обгоняя друг друга, мы вбежали в дом и повисли на шее отца. От волнения я и сестра не сразу заметили, что с правой стороны у него пустой рукав, а потом выяснилось, что ещё и ранение в лёгкое: ему трудно было дышать. Отец слёг и вскоре умер.

Горю нашему не было предела. Мама крепко обняла нас и сказала сквозь слёзы: «Папы нет, надеяться не на кого. Я возьму вторую работу, дом на тебе, Людмилка, а ты, Клара, переводись на вечернее, год остался до окончания техникума, я договорилась — тебя берут в сберкассе».

Жили голодно, хотя и как-то перебивались, но вот уже третий день у меня маковой росинки во рту не было. Мама на смене, придёт домой только через три дня, Клара в командировке. Мне самой нужно было распределить по дням оставленную еду, состоявшую из трёх варёных картошек и двух крохотных кусочков хлеба. Я же всё умывала враз. Очень надеялась на школьную столовую, где давали нечто похожее на варево и чуть сладковатый мутный чай, но там слу-

чились авария, и я осталась ни с чем. В этот день шла в школу еле волоча ноги; дома, дорога наплывали, то сужаясь в одну линию, то разбегаясь во все стороны, в голове зашумело, всё поплыло — и провал.

Открываю глаза — лежу на дороге, кто-то брызгает водой мне в лицо, старая женщина протягивает кусочек хлеба, судорожно хватаю его рукой и тут же толкаю в рот. С каким наслаждением я поглощаю живительный комочек и тихонечко говорю: «Спасибо!». Добрые люди провожают меня в школу, столовая, слава богу, открылась. Варево мне кажется замечательным, а чай — вкусным-превкусным.

Вернулись мама со смены и Клара из командировки, о произошедшем они узнали от учительницы. Теперь оставленные продукты мне выдавала соседка. А я, тем не менее, мечтала — вот бы ещё раз упасть в обморок и получить кусочек хлеба.



МАЛИНОВОЕ ОДЕЯЛО

Розуля Лысенко



Мать привычным движением подоткнула одеяло, поправила подушки спящим девочкам, потрогала их ножки в тёплых носках, приложилась губами к их щёчкам, глубоко вздохнула, постояла с минутку и, тяжело ступая, подошла к окну.

Холодный ночной Ленинград просыпался рано, люди шли, по большей части, в магазин за хлебом. Мела позёмка, холодная квартира всё-таки укрывала от ветра, но надо было идти туда, в метель, в бесконечно длинную очередь.

Подошла к широкой кровати, на которой спали дочери, подумав секунду, решительно открыла дверцу шкафа и вытащила единственную дорогую вещь, оставшуюся от прежней, довоенной жизни – малиновое пуховое одеяло. Накинула на сжавшихся в комочек детей, рассчитывая, что нечаянный «гость» не посмеет снять его со спящих в ледяной квартире ребятишек.

История блокадного города во всех подробностях описана в учебниках, документах, воспоминаниях. Но есть ещё память сердца каждого человека.

Я во всех подробностях помню этот день в череде долгого холодного и голодного времени. Помню, как не хоте-

лось просыпаться, выходить из сытого доброго сна и возвращаться в жестокую реальность. Меня разбудил голос Риты, шестилетней сестры, лежавшей рядом: «Мама, мы проснулись!». В ответ — тишина.

И вдруг я отчётливо услышала, как скрипнула дверь, и звук лёгких шагов в сторону кухни, затем по коридору к нашей комнате.

«Я боюсь», — прямо мне в ухо шепнула Рита.

В ту же минуту в проёме двери мы увидели молодую незнакомую женщину. Она огляделась вокруг, затем почти бегом подлетела к нашей кровати, резко сдёрнула одеяло и так же стремительно повернула назад, на секунду остановилась, положила на стул какой-то пакетик и была такова.

Как она могла войти? Да просто, ведь двери тогда не запирали, боясь, что не смогут открыть, и тогда никто не поможет в случае болезни или смерти хозяев.

Мы ещё какое-то время лежали, переживая случившееся.

— Мама спросит, почему мы не кричали, не звали на помощь, что мы скажем? — начала я.

— Так не успели... А что там в мешочке?

Мы выбрались из постели и подошли к стулу. Там лежал свёрток, а внутри — крохотная горстка овса. Вернувшись на прежнее место, некоторое время сидели молча, а потом, как обычно, стали рассказывать друг другу разные истории. Голод был нестерпимым, а мама всё не шла. Успокаивали друг друга — мол, ничего не случилось, вот-вот мама придёт и принесёт долгожданные кусочки хлеба. Но время шло, а никого не было. Наш страх и отчаяние достигли предела...

В этот момент дверь шумно открылась, и вошла незнакомая женщина, держа маму под руки, они, еле передавая ноги, прошли к стулу, и мама тяжело опустилась на него.

— Спасибо, теперь я сама...

Незнакомая женщина положила на стол мамину супомочку.

— Здесь хлеб, я отоварила ваши карточки за сегодняшний день, остальные карточки, слава богу, на месте. Ну, пойду, — сказала она устало.

Оказывается, в душном и тесном магазине маме стало плохо. Чтобы не упасть в обморок, она вышла на улицу, а пройдя два шага, упала и неминуемо бы замёрзла, если бы не нашёлся добрый человек. Незнакомая женщина наклонилась над ней: «Поднимайся, голубушка, детки, не бось, дома ждут, вставай!». Мама с трудом открыла глаза, из последних сил перебралась на ступеньку магазина, но вернуться в очередь не было никаких сил. «Давайте карточки, я возьму вам хлеба».

Вы понимаете, как рискованно отдать карточки голодному человеку. Но выбора у мамы не было, и она протянула заветные листочки незнакомке. Ну, а конец этой истории вы уже знаете...

Вот так: одно время — но разные люди, разные поступки.



ЛАТЕФОН

Анна Долгих

Рычание немецких мотоциклов, танков, машин разорвало надвое тихую жизнь нашей маленькой деревеньки – станицы Архангельская.

Единственная улочка, разделявшая селение на левую и правую сторону, наполнилась чужими солдатами, чужим лающим говором, стало ясно, что война пришла в дом и не сулит ничего хорошего, вселяя в души взрослых страх, беспокойство, в первую очередь за нас – ребятишек. Нам же, подросткам двенадцати-четырнадцати лет, произошедшие перемены представлялись некой игрой в войну с настоящими врагами и уверенностью, что «наши» победят. Нам нужно было проявить чудеса ловкости и умения, чтобы выбраться из дома, каждую минуту мама тревожно спрашивала: «А где Аньютка?». Больше всего мы страдали от невозможности побежать к подружке, поиграть на пустыре, искупаться в реке, и не только из-за запретов родителей, но и от ощущения реальной опасности, исходящей от чужаков.

Теперь вы понимаете, как трудно нам было собраться всем вместе и как ценили мы эти минуты. Разработали систему связи: если между досками забора трава – приходи, есть дело; если листок скомканной бумаги – беги в заброшенную избу на окраине деревни, и так далее.



Витёк – не по годам рослый паренёк из соседней избы, улыбчивый, готовый поддержать, помочь, утешить, рукастый, спокойный, добрый. О таких мужьях для дочери мечтают все матери, а девчонки почему-то выбирают хулиганистых, задиристых, боевых... Но мне Витёк нравился, хотя я, похоже, была для него просто подружкой из соседнего двора. Так вот этот самый Витёк сыграл сбор и удивил нас: на лавке в заброшенной избе стоял патефон, и была лишь одна пластинка к нему. Бархатный, тёплый голос певца едва пробивался сквозь скрип и скрежет заезженной пластинки, но мы этого не замечали:

«*Мне бесконечно жаль
Своих несбывшихся мечтаний,
И только боль воспоминаний
Гнетёт меня...».*

Притихшие, мы придвигнулись друг к другу, охваченные одним общим чувством – щемящей тоской по прежней жизни.



Неожиданно для всех Витёк подошёл ко мне и пригласил на танец. Я онемела и несколько секунд смотрела на него: правильно ли поняла, неужели ко мне он протянул руки, обнимая за талию. Все зашевелились и стали в пары, а девчонки, кому не хватило кавалеров, танцевали друг с другом. Теперь мы были связаны ещё и общей тайной.

Сколько лет прошло. Я уже вполне в серьёзном возрасте, но помню во всех подробностях, как гулко билось моё сердце и сердце мальчика, как, несмотря ни на что, юность брала своё, мы влюблялись, мы танцевали. Конечно, мы не воспринима-

ли наши вечера в заброшенном доме как протест жестокому режиму оккупантов, но вскоре всё изменилось.

С радостью и нетерпением мы ждали очередной встречи и танцев под единственную мелодию старой пластинки. Неожиданно всё закончилось.

В разгар импровизированного «бала» на пороге нашей халупы, как из-под земли, вырос немецкий солдат с наставленным на нас ружьём. Увидев горстку перепуганных подростков, он осмелился и по-хозяйски прошёл вглубь дома, поцокал языком, послушал музыку, затем закрыл крышку патефона и унёс его с собой. Вот и всё.

Не сговариваясь, мы единодушно решили во что бы то ни стало вернуть себе патефон. Где обитал немец, выяснить было не трудно. Вечерами он усаживался у открытого окна и заводил патефон, томно вздыхая при звуках нежной мелодии. Мы долго ждали удобного момента и дождались.

В этот день пронёсся слух: «наши» близко. Немцы вели себя беспокойно: что-то грузили в машины, раздавались команды, и солдаты заводили мотоциклы, спешно покидая деревню. Наш обидчик, как обычно, устроился у окна и завёл патефон. В это время зашёл другой солдат, что-то пролаял ему, и они спешно выскочили из дома, мы едва успели спрятаться за угол избы. А пластинка продолжала крутиться... Тут уж Витёк не растерялся, схватил патефон — и бежать! Не знаю, чем бы дело кончилось, но наши войска с боем брали деревню, и немцам было не до нас.

А на другое утро солнце сияло, как по заказу, и все ликовали: наши, наши пришли! И патефон, скрипя и фыркая, распевал на всё село:

«*Мне бесконечно жаль...*»

ЛЮБОВЬ

Раиса Бойко



Вся школа № 4 маленького города Облучье знала, что Алёшка Бойко из 10 «А», мягко говоря, неравнодушен к красавице Раечке из 8 «Б», а может быть, даже влюблён. Он постоянно крутился возле неё, стараясь обратить на себя внимание: делал стойку на руках, задирал девчонок или громко рассказывал смешные истории. Но Раечка была равнодушна к его уловкам, она стояла у окна и делала вид, что школьный двор более интересен, чем выступления Алёшки.

Конечно, в глубине души девушке было приятно внимание мальчика — лучшего спортсмена, лидера во всех школьных делах, да и внешне симпатичного, многие девчонки тайком вздыхали. Но ей больше нравились ребята постарше. Однако она позволила Алексею проводить себя домой, сходили вместе в кино и даже целовались в парке на лавочке, но всё это неумело, неловко, по-детски.

Очень скоро Раечке захотелось освободиться от незадачливого кавалера. Объяснение было тягостным, но необходимым. В ответ на жёсткие слова о том, что больше они не будут встречаться, Алексей отбежал на несколько шагов и крикнул: «Запомни, не будет тебе покоя. Ты будешь моей женой!».

Сразу после выпускных торжеств он уехал поступать в военное училище. «Вот и хорошо, — подумала Раечка, — всё само собой и разрешилось». Связь их прервалась, появились другие поклонники, но удивительное дело, чем настойчивее они были в своих признаниях любви, восхищении красотой Раечки, тем чаще она вспоминала скромного, молчаливого Алексея. Отгоняя эти мысли — мол, прошлое не вернёшь, но нет-нет, да и вспоминала его прощальные слова: «Будешь моей женой!».

Подошла очередь и её выпуска из школы. Планы были грандиозные, но рухнули в одночасье — началась война.

Раечка поступила в школу военных техников железнодорожного транспорта на специальность СЦБ (сигнализация, централизация, блокировка). Им выдали форму, учёба отнимала много времени и сил, некогда было думать, как говорила её подруга Вера, о всяких глупостях.

А далее работа, трудная и ответственная. В обязанности Раечки входило обеспечить бесперебойное прохожде-



Уважаемая Раина Семеновна!

От души поздравляю Вас с юбилеем.

Вы с честью прошли через тяжелейшие испытания Великой Отечественной войны, проявили стойкость и мужество.

Из таких ратных и трудовых подвигов, из личного вклада каждого человека — во все времена складывалась история нашей страны, её побед и достижений. И сегодня Ваш жизненный путь по праву служит примером для подрастающих поколений.

Желаю Вам здоровья, благополучия и всего самого доброго.

Президент
Российской Федерации

В.Путин

ние военных составов, светофоры должны точно указывать, когда поезду двигаться, когда стоять. Вечером по прямому телефону она докладывала в Москву о состоянии дел на их участке железной дороги.

А вечером танцы, единственное развлечение молодёжи. Откуда только силы брались? Потом едва переступала порог дома – и спать, спать, спать.

А тут пронзительный звонок телефона: срочно, срочно – светофор неисправен! Раечка, ещё не отойдя от сна, вылетает на улицу, бежит что есть силы: только бы успеть... Вот она, станция. Но что это? Поезд отходит! Раечка не знала, что светофор уже работает. Она попыталась остановить поезд, вскочить в него на ходу, протянула руки, пытаясь ухватиться за поручни, но состав уже разогнался. Что-то резко ударило по ладошкам, девушка отскочила и только тогда опомнилась – как ещё под колёса не попала. Слава богу, всё обошлось.

Шла война, дни бежали и бежали. И вдруг письмо с фронта от него, от Алёши. Он рассказывал о своих чувствах, планах на будущее. Каждая строчка дышала любо-



вью к ней, к Раечке. Она ответила. Так вновь протянулась ниточка их юности, их любви.

За кадром оставалась каждодневная сложная и опасная для жизни военная служба разведчика Алексея Бойко. Он получал боевые награды, дошёл до Берлина, расписался на стене рейхстага. И вот краткосрочный отпуск в Облучье, к родителям...

— Рая, может, заглянешь ко мне, чайку попьём, поболтаем, — пригласила Вера подругу.

— Конечно, зайду, только домой заскочу, переоденусь.

Девчонки с ногами забрались на диван, и пошла душевная беседа. Стук в дверь.

— Вера, ты кого-то ждёшь?

— Жду! Но только не я, а ты.

— Как это?!

Вера, не отвечая, побежала к двери. Рая с любопытством вытянула шею: кто это там?

В дверях стоял Алексей — высокий, стройный, раздавшийся в плечах, в форме майора, на груди ордена.

— Алёша! — ахнула Раечка. — Как ты здесь?

— К родителям приехал, — смущённо сказал он. — Меня зачислили в военную академию, буду учиться в Москве.

Он сделал Раечке предложение и уехал в столицу. А потом последовало приглашение: «Раечка, приезжай, не могу без тебя, люблю, люблю, люблю».

Они расписались в Москве. А дальше — нелёгкая служба, переезды из гарнизона в гарнизон. Вырастили двух сыновей и прожили душа в душу пятьдесят два года...

БЛИНЫ

Елена Левченко



«угол» в их доме.

В это воскресное утро заладила баба Лена блины. Она подошла к зеркалу, чтобы повязать белый платок, вездесущая Иришка, улыбаясь солнышку, предстоящему дню и своей молодости, тут же заметила:

— Красивая ты у нас, бабушка Лена, лицо у тебя добroe, глаза какие лучистые, а волосы ни один гребешок удержать не может!

— Да и фигура — высокая, стройная, — подхватила вошедшая в кухню полноватая невестка.

— Да ну вас совсем, нашли красавицу! — засмущалась бабушка Лена.

Но это была правда. Она не выглядела моложе своих шестидесяти лет, но в её облике присутствовали и спокойствие, и мудрость, и пережитые страдания, прибавившие морщинок, и извечное смирение русской женщины.

Бабушкой Леной эту спокойную, немногословную женщину звали не только её внуки, но и невестка, и пятнадцатилетняя девочка Ира, только что поступившая в музыкальное училище и снимавшая, как говорится,

А тем временем блины из-под проворных рук бабушки Лены весело шкворчали на плите, распространяя вкусный запах, который не спутаешь ни с чем. Иришка пристроилась поблизости и с нетерпением ждала, когда возделенный блин опустится в её тарелку. Вскоре румяный аппетитный круг солнышка попал ей в руки. Обжигаясь, перекладывая в ладонях горячий блин, Иришка надкусывала его в разных местах, а потом накинула себе на шею: «Смотри, бабушка, какой воротничок!». Лицо бабушки Лены исказилось болью и гневом. «Да как ты смеешь, негодница этакая!» — воскликнула она и — хлоп Иришку по лбу ложкой, которой разливала тесто. Не со всего маху, но достаточно увесисто.

— Бабушка, ты что?! — слёзы ручьём хлынули из Иришкиных глаз.

— Иди и подумай, — немного успокоившись, проговорила бабушка.

Иришка резко вскочила со стула, бросила остатки блина в тарелку и убежала в свой «угол».

Бабушка ещё какое-то время продолжала колдовать над блинами, складывая один за другим в тарелку, пока не выросла аппетитная горка. Потом она встала, привычным жестом сняла косынку и пригладила волосы. Медленно, тяжело ступая, подошла к кровати, где лежала лицом к стене Иришка. Слегка подвинув ноги девочки, бабушка Лена села на край постели. Она смотрела прямо перед собой и тихо начала говорить.

— Мы тогда, передвойной, жили в шахтёрском посёлке Михайловка. Мой младшенький родился под жуткий свист снарядов и вой бомб. Как я это пережила — не знаю. Но я о другом. С тремя детьми: старшая, Таисия, — тринадцать лет, за неё Женя — шести годков и младший — «грудничок». Мы шли с толпой беженцев. Я потеряла счёт времени, рук не чувствовала, каким-то чудом не вырони-

ла ребёнка. Маленький уже не плакал, не было сил. Таисия куда-то отбегала и возвращалась то с кусочками хлеба, то с картошкой, один раз даже с конфеткой. Но вот уже несколько дней она приходила с пустыми руками. Толпа беженцев постепенно рассеялась, и мы оказались одни на просёлочной дороге. Я поняла — мы обречены. Чтобы не видеть смерть собственных детей, усадила их на поваленное дерево и пошла куда глаза глядели. Валенки разбухли, мешали идти, ведь март месяц, сняла их. Без сил повалилась на землю. «Господи, забери меня!» — молило моё сердце. Чёрная бездна навалилась и медленно потянула туда, где нет боли и страданий...

И вдруг я услышала стук колёс приближающейся телеги, из последних сил поползла на четвереньках к дороге. Успела сказать: «Дети там!» Как мне сказали, два дня не приходила в себя, а очнулась — как огнём обожгло: «Тая, Женя, маленький!». Повернула голову, а за столом сидят мои детки... Поели и как по команде каждую крошечку хлеба в ладошку собирают... Запомни: то, что ты сделала, пусть даже не со злого умысла, — преступление перед теми, кому выпали на долю голод, страдания. Дай бог тебе этого никогда не знать, но помни: они незримо рядом и смотрят на тебя.

Прошло несколько лет. Как-то раз Иришка со своими детьми пришла навестить бабушку Лену. Та была очень рада, усадила всех за стол. Детишки с удовольствием уминали её замечательные блины, а оставшиеся кусочки сложили в ладошку: «Птичек покормим! Мама говорит, нужно каждую крошечку хлеба беречь».

СЧАСТЬЕ

Ольга Афиногенова

Мой родной город Калинин (Тверь) бомбили нещадно, немцы рвались к Москве. Нас, детей, срочно эвакуировали. Так мы с мамой и старшей сестрой Тамарой оказались в Ташкенте. Спасибо городу, его жителям, принявшим нас, подавившим солнце, фрукты, доброе отношение. И всё-таки хотелось домой.

Мама работала, мы с сестрой Тамарой оставались с хозяйкой маленькой халупки, приютившей нас в это непростое время. Мы бегали, играли с местными ребятишками, радовались, что не воет рвущая душу сирена, не летят бомбы, не рвутся снаряды. А вечером, умаявшись, садились в уголок и в ожидании мамы с работы вспоминали нашу прежнюю довоенную жизнь, порой там и засыпали.

В этот вечер мама растормошила нас и взволнованно, со слезами в голосе, целуя то меня, то сестру, глотая слова, произнесла: «Папа... госпиталь... кажется, не знаю точно... а вдруг!». Немного успокоившись, мама объяснила, что от сотрудницы, с которой раньше работала в госпитале, узнала: в списках вновь прибывших раненых есть имя нашего отца — Мурзин Виктор Иванович. Она пыталась пройти в госпиталь, но порядки там строгие, посторонних не пус-



кают — палаты переполнены, жара, высокая опасность инфекции. Стали думать, как с ним связаться. И придумали.

Мама обменяла своё колечко, единственное наше «богатство», на небольшой стаканчик мёда. Я с этим стаканчиком стою в условленном месте в ожидании маминой знакомой. Она подошла, придержала расшатанную кемто дощечку забора, и я прошла на территорию госпиталя. Иду по коридору, заглядывая в палаты и звонко выкрикивая: «Виктор Иванович Мурzin здесь?». Получив отрицательный ответ, двигаюсь дальше. Наконец, на мой призыв слышу: «Доченька, я здесь...». Перешагнула порог и не сразу увидела отца — комната полна раненых, перевязаны у кого руки, у кого ноги, голова, кто стонет, кто в забытьи кого-то зовёт, кто-то пытается идти на костылях, большинство сидят на кровати. При этом невыносимо душно и неприятный запах от такого скопища людей. Я растерялась: голос отца слышу, а где он — не пойму.

И вдруг увидела: он сидел в белой широкой рубахе, одна рука перебинтована... Другой, здоровой, он сгрёб меня и крепко прижал к себе: «Доченька, доченька, как же ты здесь? Где Тамара? Где мама?» Я придержала заветный стаканчик, осторожно поставила его на тумбочку: «Папа, мы же всё прольём!». Освободив руки, прижалась к отцу. Это ли не счастье! Я рассказывала ему нашу историю, вместе мы ели мёд, густо намазывая его на кусочки хлеба, вернее, ела я, а отец только делал вид, что ест. Тут пришла медсестра и мягко, но настойчиво выпроводила меня.

Прошло какое-то время, наш город освободили, и мы засобирались домой. И новая радость: папу выписали из госпиталя и направили в военную академию в Москву. Таким образом, несколько месяцев мы были рядом и довольно часто виделись с отцом. Это были самые счастливые дни моего детства.

НОВЫЙ ГОД 45-ГО...

Наталья Матяш

Понятно, что Новый год – самый радостный, самый детский праздник. Даже в голодные военные годы мама умудрялась в этот день приготовить что-нибудь вкусненькое. Больше всего мне запомнился Новый год 1945 года. Все ждали перемен. Люди в то время часто говорили: «Вот закончится война, тогда заживём...». А мне казалось, что мы уже «зажили». Папа, морской офицер, ходил на судах в Корею, присыпал с оказией посылки: яблоки, конфеты, даже яйца. По всему Владивостоку тогда продавали с машин крабов, их варили в большой кастрюле, разрезали ножиком, вытаскивая вкусную мякоть. Кроме того, мама вместе с хозяйкой дома, где мы снимали комнату, насолили на зиму капусты, огурцов, помидоров, наварили сливового варенья. Но главное украшение новогоднего стола – два пирога, с капустой и рыбой. Они-то и стали причиной нашего с папой приключения.

– Ну, хозяйки, принимайте работу – снег убран! – весело сказал папа, заходя в дом. – А эта егоза, – показал на меня рукой, – утоптала дорожку до самой калитки.

– Женечка, вы молодцы, но надо сбегать в магазин, у нас масло закончилось.



— Папа, я с тобой, я с тобой! — прыгая от восторга, верещала я изо всех сил.

— Ну, ладно! Я не буду валенки снимать, надеюсь, так поздно вряд ли с нарядом столкнусь. Татуська, бегом!

И надо ж такому быть: только вышли из гастронома, спускаемся по лестнице — навстречу военный наряд, а нам и деться некуда. Папа хотел меня домой отправить, но темень стояла, хоть глаз выколи.

— Ничего, дочка, пробьёмся!

Военный попросил предъявить документы, их, конечно, не оказалось. Нас с папой повели в комендатуру.

— Мы арестованы, да, папа? — весело спросила я.

— Что-то вроде этого.

— А мама как же?

— Думаю, всё разъяснится, не бойся.

— Я и не боюсь.

Так, переговариваясь, подошли к зданию комендатуры.

— Придётся подождать, пока выясним вашу личность, — извиняющимся голосом сказал военный, пропуская нас вперёд. — Что ж вы так грубо форму нарушаете?

Моей личностью никто не интересовался. Я присела на широкую лавочку, а потом и прилегла на неё.

Разговор мужчин, как костёр, становился всё жарче. Вскоре отец, размахивая руками, широкими шагами мерил кабинет из угла в угол и увлечённо «травил» байки из корабельной жизни. Оба собеседника раскраснелись, глаза их подозрительно заблестели...

А, всё понятно: на углу стола бутылочка и маленькие стаканчики... Не знаю, долго ли ещё продолжалось бы наше пребывание в комендатуре, но тут пришёл ещё один военный и спросил, показывая на меня:

— А это что за детский сад?

— Моя дочь, — гордо ответил папа.

— Все немедленно домой! Вы что себе думаете, через час Новый год!

В несколько секунд мы оказались на улице.

— Как хорошо, доченька, как хорошо!

Отец громко читал Есенина, мы вместе пели «Катюшу», и так, распевая, вошли в сени, затем на кухню, где аппетитно пахло пирогами. Тут папу, что называется, развезло, он стал терять равновесие и, чтобы не упасть, с маху шлёпнулся на стоящий рядом сундучок. Обе женщины, мама и хозяйка, беззвучно открывали рты и махали на папу руками, а потом с криком «пироги!» кинулись к сундучку. Оказывается, на нём оба пирога, с рыбой и капустой, ждали торжественной минуты появления на столе...

Это был весёлый Новый год. Смеялись над нашим с папой приключением, пирогами, потерявшими товарный вид; пели весёлые и грустные песни, щутили и вкусно угощались. Всем верилось: впереди перемены к лучшему. Главное, что эти надежды оправдались.



ЛЮДИ ОСТАЮТСЯ ЛЮДЬМИ

Надежда Егорова



Война и нашу семью не обошла стороной. Ушёл на фронт отец. Ему было сорок семь лет, солдатскую службу он ещё при царе начал, все войны, выпавшие на долю нашей страны, пережил. Мы с нетерпением ждали его возвращения: отгремели салюты Победы над Германией, и с Японией война завершилась, а отца всё не отпускали со службы: славился руками золотыми, всё умел делать, как обойтись без такого мастера!

Наконец, пришёл и наш день, смотрим – идёт огородами человек, улыбается, потом не выдержал, побежал, а мы всей гурьбой навстречу. Так и стояли обнявшись.

Радость встречи была омрачена гибелю моего брата, похоронку получили осенью сорок четвёртого. В последнем письме, предчувствуя свою смерть, он писал, что вряд ли останется в живых в этом котле. Сложил свою голову в Чехословакии, и было ему всего двадцать лет.

Казалось бы, о каком сострадании к поверженному врагу можно говорить! И всё-таки, всё-таки...

Наша ребячья ватага бегала на поля посмотреть, как работают пленные японцы. Мы стояли в сторонке и наблюдали за ними. Вдруг один из работающих поманил

меня — вероятно, как самую маленькую из нашей команды. Я подошла, он протянул мне морковку.

— Спасибо, — сказала я едва слышно.

— Спасибо, спасибо! — с большим акцентом повторил японец, кивая головой.

На следующий день я принесла хлеб с кусочком жареной рыбы. Он взял с благодарностью. Мама, узнав о моих визитах, налила в банку козьего молока: «Отнеси горемычным, может, и нашим кто поможет».

Пришло время, когда пленных стали отправлять на родину. Мой знакомец на прощание подал мне пакет, а в нём — почти новые мужские ботинки. Но какие! Внутри тёплый мягкий мех, снаружи кожа коричневого цвета, шнуровка. Моя сестра надела обновку — конечно, ботинки были велики, но с помощью шнурочки удерживались на ногах. К маминой радости, сестра проходила в них всю зиму, наслаждаясь теплом и удобством подаренной обувки.

Ребята, правда, подсмеивались, мол, сапоги-скороходы, но она не обращала на них внимания. А учительница, узнав эту историю, похвалила нас за доброту и сказала: «Молодцы, девочки, люди должны оставаться людьми».



ЭХО ВОЙНЫ

Нина Юлина



Давно замечено: чем старше человек, тем ярче он помнит давно прошедшие годы.

Вот и я отчётливо помню себя пятилетней девочкой. Мои сверстники, вспоминая военное и послевоенное детство, говорят о постоянном ощущении голода. Меня эта участь миновала, мама работала в столовой большого завода, и в доме всегда было что-нибудь съестное.

Я вижу себя сидящей за столом вместе с другими детсадовцами, все с удовольствием уминают безвкусную, синюю от разбавленной воды манную кашу, а я не притрагиваюсь к еде. Воспитательница, не говоря ни слова, раскладывает мою кашу по тарелкам других детей. Так повторялось несколько раз, пока, наконец, меня не спросили:

- Ты почему не ешь?
- Боюсь, – едва слышно ответила я.
- Боишься? Почему?
- Там пузырёк, а из него лягушка выскакивает, сначала пузырёк пускает, а потом сама выпрыгнуть может.
- Смотри, я ложкой мешаю, никого там нет.
- Она прячется.
- Ладно, не хочешь – не ешь, не голодна, видно.

И меня оставили в покое.

Когда другие рассказывают, как было голодно, мне неловко за историю с кашей. Но когда речь заходит о бомбёжках, то помню – ужас и страх пережила сполна.

Нарастающий звук сирены, и мы бежим к своим шкафчикам, быстро-быстро одеваемся, взрослые, как могут, помогают нам. Выстроившись цепочкой, спускаемся в подвал, рассаживаемся вокруг воспитательницы. На её лице испуг и беспокойство, от этого становится ещё страшнее. Мы прижимаемся друг к другу. Наши маленькие сердечки превращаются в одно большое, которое то замирает от воющих звуков летящих самолётов и падающих бомб, то громко стучит от радости: всё! отбой! Можно возвращаться в группу. И так каждый день по несколько раз.

Прошло столько лет, а острота воспоминаний не притупилась...

Сегодня я с новой силой переживаю былое, когда вижу Донбасс в руинах и детишек, бегущих в укрытия. Как будто время повернуло вспять или кадр из военной хроники навечно застыл. И моё уже взрослое сердце отзывается болью, страхом и протестом против тех, кто всё это затеял.



ВСЕ ОПЯТЬ ПОВТОРИТСЯ СНАЧАЛА...

Наталья Матяш

Вот уж на добный десяток лет мы, твои дочери, старше тебя, отец. Твои земные часы навечно остановились на цифре шестьдесят.

Ты часто повторял есенинские слова: «Как мало пройдено дорог, как много сделано ошибок». В каком бы преклонном возрасте ни был человек, всё кажется, что ещё и не жил. «Мало пройдено дорог», а уж ошибок, ошибок... Сколько их сделано! Живущие всегда ощущают некоторую долю вины перед ушедшими: не сказал, не спросил, не выслушал, не выполнил. Не успел! В суете молодой жизни забываешь, что часы твоих старых родителей не совпадают с твоими. «Успеется...»



Вот и мы с сестрой всё откладывали поездку из Находки во Владивосток — какие-то дела, дела... Так и не увидел ты, отец, памятник морякам Дальневосточного пароходства. А там твой «Ильмень», твои погибшие товарищи поимённо перечислены. Твой друг радиостроитель Спиров. Сколько раз ты вскакивал ночью с криком: «Держись, держись!!!». Всё казнил себя, что не хватило сил отка-

тить от радиорубки пушку, сорвавшуюся из-за крена то-нущего судна. Твой правнук разыскал книгу Г.А. Руднева «На морских дорогах войны», где подробно описаны события 17 февраля 1943 года — гибель парохода «Ильмень». Может, и к счастью, что ты так и не узнал, кто был истинным виновником трагедии — не японская, а американская подводная лодка.

Читаем в книге: «В результате грубейшего, безответственного нарушения инструкции, а может, по халатности или со злым умыслом (кто сейчас скажет?) офицеров «Софиш» (американской подлодки) погибло невинно 78 русских моряков». Ко всему пережитому — ещё и осознание того, что погибли от руки союзников...

Каждый год 9-го мая мы идём к дорогому нашему сердцу памятнику, подходим к плите с надписью «Ильмень» и кладём цветы. А дома за накрытым столом мы говорим о тебе, отец.



Листаем семейный альбом и вспоминаем, вспоминаем...

Мама называла тебя «солнечным человеком». Как все моряки, ты редко бывал дома, но каждая встреча – настоящий праздник. Ты позволял нам всё: твою буйную шевелюру кудрявых волос я заплетала в десяток косичек с бантиками. Однажды ты опаздывал на службу, схватил фуражку и бегом, как был, помчался в порт, забыв про мои косички. Как смеялись твои товарищи и ты вместе с ними...

Особенно люблю вспоминать наши тихие семейные вечера. Папа с книгой или газетой лежит на диване, мама примостилась рядышком и что-то шьёт, а я между ними, как птенец в материнских пёрышках, так мне тепло и хорошо. Я знаю, сейчас мама отложит шитьё, потому что стемнело, и тихонечко зазвучит её нежный голос: «То не

ветер ветку клонит, не дубравушка шумит...». Папа с удовольствием вступает: «То моё, моё сердечко ноет, как осенний лист дрожит...». Мама мелодию «держит», голос у неё не сильный, но за душу берёт, у папы – приятный тембр, но со слухом беда, как говорится, медведь на ухо наступил, у меня такие же проблемы. Ещё папино пение мама терпит, старается вести мелодию, но когда и я присоединяюсь к их дуэту, мама



замолкает. Папа досадливо предлагает: «Татуська, помолчи, а! Стёпанька, а ты пой, пой, ну, пожалуйста!».

Мама поёт, а мы слушаем. Словами не передать, как в эти минуты мы близки друг другу... Мы вместе, мы семья.

А помнишь, отец, как утешал меня и вытиരал первые слёзы по поводу несостоявшейся любви? Ты говорил мне, мол, нужно пережить, страдания делают человека стойким, умеющим сочувствовать другим, прибавляют мудрости и опыта.

Не перестаёшь удивляться тому, какое это особенное поколение – поколение людей, прошедших войну. И ты, отец, один из них. Я рассказываю о тебе внукам, записала всё, что помню из твоих рассказов и собственных воспоминаний. Ты прав, отец, память скрепляет людей родной крови, продлевает жизнь ушедших, нравственно обогащает живущих. Сегодня уже правнуки изучают историю твоей жизни и гордятся тобой, участвуя в акции памяти «Бессмертный полк»

Как говорится в твоей любимой песне: «Всё опять повторится сначала...»



ПАМЯТИ ОТЦА

Валентина Старовойтова

Мы сидели вдвоём
на ступеньках крыльца
В ту далёкую нашу весну,
И в который уж раз я просила отца:
«Расскажи, расскажи про войну!»
Он прошёл три войны,
Он пришёл, наконец,
Он награды показывал мне...
Не могла я понять, почему мой отец
Не любил говорить о войне.
Я просила — а он головою качал.
Я просила — и вот что он мне рассказал.
...Был февраль сорок третьего года.
Караваном шли наши суда.
Штормовая стояла в то время погода,
Но погода — ещё не беда...
Знали мы, что военные сводки
Нам другую опасность сулят,
Что чужие блуждают здесь где-то подлодки
И за нашим движеньем следят.
Шёл вперёд караван, осторожно
Пробираясь к родным берегам.
Было, доченька, как-то тревожно,
Неспокойно, невесело нам.
Вдруг — удар! И ещё! И мгновенно
Наш «Ильмень» был охвачен огнём!
Он горел, он тонул
в этой кипени пенной,
Но держалась команда на нём.
Что творилось на палубе!

Сущий был ад:
Дым и пламя, обломки, вода...
Командир дал команду покинуть корабль.
Кто как мог, мы спасались тогда...
Отвернулся отец и не смог продолжать,
Только руку мою
Крепче стал он сжимать.
...Как же тяжко им было стоять
 до конца,
Прыгать с борта в кипящую тьму!
Это было как раз
 в день рождения отца –
Тридцать лет исполнялось ему.
Помолчав, он сказал: «Видишь, я уцелел.
А вот друга спасти не сумел. Не успел.
Переборку зажало, он выйти не смог
И пустил себе пулю в висок».
...Вновь отец замолчал,
и на сердце ладонь.
Вот таким я и помню его.
Пусть горит
под Кремлёвской стеной огонь –
Он и в память отца моего!
В память тех, кто ушёл,
Не дожил, не допел,
В память тех,
кто на страшной войне уцелел,
Кто, себя не жалея, под пули шагал,
Но родимую землю врагу не отдал!



ЛАДОГА, МОЯ ТЫ ЛАДОГА...

Галина Орловская (Мудрагель)



С фронта отец вернулся осенью 45-го. Был один из тех дней, когда уже не трещат кузнечики, не замирают над цветками бабочки, но ещё ходит синь над горизонтом и тянется к солнцу трава. Я пишу об этом, потому что отец будет гладить ту траву руками, как живую, и припадать к ней лицом, пока её не сомнёт морозом и не закроет совсем сугробами.

...День был на исходе. Уже топилась печь. Мы (пятеро детей) глядели на её трескучий огонь и слушали свою легендарную бабу Нилу. Легендарную, потому что она один на один выходила на волков, которые одолевали нас и зимой, и летом. Мать была в тайге: всё лето с подругами она валила лес, чтобы потом зимой по снегу вывезти его.

В окно постучала женщина с соседней улицы и сказала: "Коли нужен вам отец, так берите его, не то я заберу, мой не вернулся". А отец уже бросился к двери. Он так и останется у меня в глазах: высокий, худой, забинтованный, в длинной-длинной шинели. Баба Нила, его мать, вскинула руки, крикнула, как раненая.



И повисла на нём. "Сыночек..." —
голосила она. А он молчал. Он,
оказывается, ничего не слышал,
говорить не мог. Он был конту-
жен. Потом он развязал мешок,
достал яблоко, разделил его на
пять частей, раздал по кусочку
сахар, а старшему брату пода-
рил ещё цветные карандаши "Спартак".

Только через полгода мы услышали его голос: загово-
рил он громко, заикаясь. Ещё через полгода у него зашеве-
лился осколок.

Отец любил петь и пел всё больше военные песни. "Ла-
дога, моя ты Ладога, дорогой жизни названа..." — чаще дру-
гих пел он и каждый раз плакал. Потом, не сразу, отец рас-
скажет о боях на Ладоге, как попали в окружение, как выш-
ли из него, оставшись в живых только вдвоём с товарищем,
как скинули одежду и переплыли Ладожское озеро. Выбив-
шись из сил, спали сутки, тут же у воды, голые. Первым
проснулся отец, стал трясти Сергея (фамилию я забыла):
"Вставай, отоспимся у своих...". И вдруг понял, что тот зас-
нул навеки, — по виску бежала кровь. Какая-то шальная
пуля... "И я закричал на всю Ладогу страшным, диким го-
лосом", — вспоминал отец. Им тогда было по 27 лет.

Сколько таких историй расскажет он, сколько будет
плакать, вспоминая и не веря, что остался жив: ведь семь
тяжёлых ранений, четыре, как он говорил, лёгких (расsek-
ло ухо, задело чуть висок, оторвало палец, контузия).

Он был в разведке два года, слушалось, брал языка. Од-
нажды пришлось вести разведку боем, товарищи погибли,
остался один. Отец взял тогда в плен трёх немцев. "Ребята,
сюда!" — кричал он ребятам, которые уже никогда не вста-
нут. Командовал по-немецки: "Руки вверх, кругом, бросай
оружие!". Немцы от неожиданности подчинились команде.





И он, имитируя, что не один, говорил разными голосами, не давая немцам оглянуться. За это был награждён орденом Красной Звезды.

Самое страшное воспоминание — блокада Ленинграда. Варили солдатские ремни, голенища от сапог. Однажды попали на свекловичное поле зимой, не подчиняясь команде, грызли грязную мёрзлую свёклу. Вечером многие умерли. Голод косил чаще, чем пули. А они должны были не только выжить, а ещё и защищать Ленинград, ведь они стояли в его обороне. Однажды трое суток днём и ночью пробирались болотами к реке Тосна. Особен- но было страшно ночью, когда давался приказ стоять. Нужно было перестоять самую темень, чтобы не выдать себя и не сбиться с пути. Под ними болото, вокруг туман и головы, головы бойцов, над головами руки с винтовками, как кресты: опустить нельзя — по грудь в болоте. И как сказка, виделась тогда твёрдая, сухая земля...

Они вышли тогда к Тосне и дали бой. А ведь это был Ленинград, значит, блокада, голод, и силы черпали только в вере в Победу!

ЧТО Я ПОМНЮ...

Светлана Мельникова

Когда я читала книгу "Память сердца" (первый выпуск, 2016 год), то подумала: а что бы могла написать об этом времени я, рожденная через три года после войны? Эта мысль уже не покидала меня, воспоминания и слова сами нашлись и просились на бумагу. Детская память оказалась цепкой и хорошо мне помогала восстановить то время.

...Я была ребенком с гарнизонным детством. Мой отец-фронтовик совсем молодым пареньком попал на финскую войну, где сильно застудился и потом всю жизнь болел, потом был Северный флот и оборона Заполярья, учеба на краткосрочных офицерских курсах и назначение на Дальний Восток. Он не был ранен, но годы войны и суровые условия, где служил отец, сильно сказались на его здоровье.

Дальний Восток – это место, где родились мы с сестрой. Жизнь в отдаленных гарнизонах сильно отличалась от жизни в других местах, но в этом была и своя незабываемая особенность. Мы любили смотреть на корабли и подводные лодки, пришвартованные к скалистым берегам бухты, на рассекающие ночное небо лучи мощных прожекторов и силуэты маленьких самолетиков, попавшие в этот луч,





голоса команд, вечерние поверки личного состава. Других развлечений у гарнизонных детей в это время не было.

Я рано поняла значение слова ленд-лиз (lend-lease), так говорили о больших грузовиках "Студебеккер" и самолетах "Дуглас" (помощь от Америки!), которые еще некоторое время использовались в воинских частях. Помню, когда я сильно заболела и меня нужно было отвезти в отдаленную детскую больницу, то

именно на таком грузовике меня, "горящую" от температуры, папа, державший меня всю дорогу на руках, и матрос-водитель доставили к врачам. Вспоминаются рассказы мамы о редких по тем временам радостях: полученном на талоны по распределению платье в мелкую клеточку (secondhand) и белом американском хлебе, который можно было сжать в кулаке, как вату, да и вкус был такой же. Это тоже был ленд-лиз.

Хорошо помню, как отцу предложили перевод по службе в Севастополь. Мы почти собирались к отъезду, но офицер, приехавший на замену, сказал: "Куда вы хотите ехать с маленькими детьми, там еще многие люди живут в землянках!". Мы не поехали, так и остались служить и жить здесь, охраняя вместе с папой восточные рубежи России. Так случилось, что мама заболела и на долгое время попала в госпиталь. Сестра – первовтороклашка (?) была в школе, отец – на службе, а я оставалась дома одна. Детских садиков у нас не было. Однажды, гуляя на улице, увидела матроса, который подошел к нашему дому. Он спросил мое имя, сказал, что папа послал его проводить, разогреть еду и накормить меня (в доме было только печное отопление, а примуса я

боялась). А вот матросов мы, дети, совсем не боялись! Это были подросшие мальчики, опаленные войной, без всяких глупостей. Отец тоже доверял молодым ребятам, посылая присмотреть за ребенком. Я часто с гордостью говорила, что моей нянькой был матросик (лет на 12–14 старше меня). Он приходил несколько раз. Я не помню его лица, его имени, помню только, что он был худощавый и совсем юный. Моя сестра напомнила мне, что иногда матросы звали нас к себе на обед (я плохо помню эти моменты – была тогда совсем маленькой). Ребята сажали малышню прямо на стол и угождали своей кашей. Возможно, в эти минуты они вспоминали своих сестренок, оставленных дома. Мы называли это угощение "матросской кашей" и часто вспоминали, как это было вкусно!

Как все дети, мы любили играть, но у нас в это время было очень мало игрушек. Возможно, в городах их уже продавали в магазинах, но в нашем гарнизоне, кроме специальной "Матросской лавки", не было торговых точек. Конечно же, товаров для детей там никогда не было. Не было в продаже и книг, а мы так любили слушать, когда нам читали, а потом и сами стали старательно складывать слоги и пытаться читать. Особенно смешно было взрослым наблюдать, как мы изображали чтение, а сами произносили текст, выученный наизусть.

Изредка игрушки и книги приобретались нашими родителями у семей, которые переезжали или увольнялись



со службы. Иногда нам с сестрой дарили книжки сослуживцы папы, у которых дети подросли и уже не читали "малышковую" литературу.

Помню, что у нас были самые обычные пластмассовые куклы-пупсы, и однажды резинки, соединяющие руки-ноги, порвались. Это была невосполнимая трагедия, и мы рыдали по-настоящему, в голос, от такой потери, приговаривая: "И ручки, и ножки отпали!". Взрослые сбежались на наш рёв, и на помощь маме пришли соседки – офицерские жёны. Они, к нашей великой радости, вместе смогли как-то починить наши куклы. Сейчас даже трудно поверить, что дети могли так реагировать на простенькие игрушки. А как мы берегли наши богатства! Хорошо помню, как папа к Новому году сам смастерили для нас подарок – картонный домик. Он был как настоящий: с дверью, трубой и окошками, через которые пробивался свет. (Скорей всего, где-то подключалась батарейка.) Нашему восторгу не было предела! Сегодня дети даже не поймут, как это было важно для нас, послевоенных. Маленькие радости, а сколько в этом было желания сделать наше детство более счастливым.

Вскоре командование части дало папе краткосрочный отпуск – отвезти детей к близким родственникам. Нас увезли из холодной Советской Гавани к бабушке в Партизанск, где мы и жили некоторое время, ожидая приезда мамы после лечения. К бабушке мы часто ездили на все лето и любили это время: у нее был большой сад, много фруктов, ягод, овощей, цветов и было солнечно и тепло. Этого нам так не хватало в нашем суровом таёжном крае с коротким северным летом!

Поездки на лето к бабушке в Партизанск (Сучан) дали мне и другие впечатления. Здесь, недалеко от ее дома, в ба-

раках, жили пленные японцы, которых использовали в Приморье на разных работах. Я долго не могла понять, почему японцы, а не немцы, ведь мы победили Германию (о краткосрочной войне с Японией я тогда ничего не знала). В то время, которое я помню, японцев оставалось мало, их регулярно партиями отправляли на родину. Когда вечерами слышались непонятные мне протяжные песни, а может быть, и молитвы, бабушка всегда говорила: "Не бойся – это японцы поют". Вскоре это место опустело, но территория некоторое время еще оставалась огороженной и была очень привлекательной для местных подростков.

В этом шахтерском городке меня поражало еще и большое количество молодых мужчин-инвалидов на специальных машинках. Бабушка говорила, что это шахтеры. У многих из них был травмирован позвоночник, и они не могли ходить. Когда на фронт забирали старших и более опытных шахтеров, мастеровых и ремонтников, им на смену в шахты пошли работать подростки и женщины, у которых не было опыта горняцких работ, долгой подготовки и хорошего обучения. Уголь нужен был и для фронта, и для побе-



ды, и для жизни в тылу. На шахтах случались аварии. Я хорошо помню, что иногда раздавался вой сирены, и тогда замиранием сердца все понимали – это опять авария на какой-нибудь из шахт. Женщины и дети бежали к шахте и ждали известий о том, что произошло, и каждая в душе молилась, чтобы беда обошла их дом.

А вот что сразу в памяти возникло – это большое количество инвалидов в поездах, они просили помощи и пели жалостливые песни типа: "Враги сожгли родную хату...". Мне было их очень жаль, я немного боялась, но больше жаль. Многие инвалиды были без ног, передвигались на гремящих тележках, отталкиваясь руками, были и слепые, и люди с изуродованными лицами, и с пустыми рукавами. Я не всё понимала по малолетству, но впечатление врезалось в память сильно. Люди жили бедно в это время, но почти все пассажиры давали, что могли: деньги, еду, мелочь. Мама давала еще и папиросы из своих запасов. Она пристрастилась к курению, когда девочкам, работающим при воинских частях, давали по талонам табак, который они, если получалось, меняли на еду. Но получалось не всегда.

Постепенно инвалиды стали исчезать из поездов. Возможно, сменилось поколение женщин-проводниц, которые помнили о своих родных, пострадавших на войне и не вернувшихся с фронта, и старались хоть так помочь... Возможно, транспортная милиция запрещала, охраняя порядок, но, скорей всего, эти люди умирали.

В нашей семье очень редко говорили о войне – это было трудное время, а родителям хотелось спокойно жить дальше. Я думаю, что и восемь-девять лет после войны были очень тяжелыми для всех...

Хочется, чтобы люди помнили не только о тяготах войны, но и о трудном послевоенном времени и никогда об этом не забывали.

РУКИ МАСТЕРА

Наталья Роенко

Вспоминая послевоенное время, я вижу, как в остановившемся кадре, детсад на Гайдамаке. Был там такой старый, уютный деревянный дом с большим двором, огромными деревьями и потаёнными уголками для "пряток". После долгой болезни я появилась в группе. Все мне обрадовались (как-никак солистка самодеятельности), но сразу получила суровый приказ: "Сегодня залезем на забор и будем кричать "япошка-картошка", "япошка-картошка"... Чтобы кричала громко, поняла? А то с забора сгоним!".

После завтрака нас вывели во двор, мы все кинулись врассыпную к забору и, взгромоздясь на него, стали чего-то ждать.

Наконец, раскрылись ворота стройки, где, чуть ниже детсада, строился завод, и один за другим пошли грузовики. В них рядами сидели какие-то странные люди с плоскими лицами и узкими глазами, одетые кто во что. Многие из них были в круглых железных очках. Мы начали горланить своё: "япошка-картошка"... Они же улыбались, глядя на нас, хотя до этого были довольно угрюмы. А машины всё шли и шли. Вечером всё повторялось снова.



На мой вопрос бабушке: "Кто это такие?", она коротко отвечала: "Несчастные люди". Следующий раз, сидя на заборе, я молча сопровождала машины глазами.

Однажды поздно вечером бабушка возвратилась с работы не с пустыми руками, а с серым бумажным свёртком. В нём лежали два деревянных медведя средней величины, чёрный и белый. Оказывается, в театре, где она служила, шёл ремонт, и там работали пленные японцы, конечно, голодные. Многие женщины подкармливали их, "облюбовала" себе одного и моя бабушка. Как могла, она облегчала его участь, и в подарок получила этих медведей. Надо сказать, это была художественная работа: точно схваченная медвежья повадка, грозный оскал пасти, медвежья лохмость, чувствовалась тяжёлая поступь больших лап — и всё это вырезано маленьким перочинным ножичком. До сих пор стоят они у меня на книжной полке, всегда вызывая вопросы знакомых: "А кто это сделал?". И я в сотый раз рассказываю эту историю.

По роду работы мне приходилось довольно много читать о становлении и развитии японской культуры. Оказывается, в период культуры Кофун возник вид изобразительной пластики "ханива". Эта традиция сменила в Японии ритуальный обычай, связанный с погребальным обрядом. Император Суйнин призвал министров издать закон, что-



бы с умирающим императором хоронили фигурки "ханива". В пластике языка ханива сочетает обобщённость в трактовке поз и жестов фигур, но достаточно точно передаёт характерные детали и конкретные особенности персонажа.

Мне хочется думать, что мои японские медведи были вырезаны руками мастера, который знал эту традицию.

Уже давно нет на свете моей бабушки, наверно, и мастера-японца (да простит он нас за "япошку-картошку"). Обрёл ли он Родину, дом, семью? Может, вспоминал и мою бабушку... Как всё связано в этом мире!



МОЯ БАБУШКА - ГЕРОЙ!



Ирина Владимировна Кочубей-никова, читатель нашей библиотеки, очень любила свою бабушку, и память о ней хранит свято. Бережно перекладывает её фотографии, грамоты, с гордостью показывает удостоверение о награждении медалью "За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны".

"Мою бабушку звали Ирина Кузьминична Буцневий. Родилась она 1 мая в маленькой деревеньке Глагольня Калужской губернии в 1906 году, – рассказывает Ирина Владимировна. – Я её очень любила. Ведь бабушка в жизни ребёнка – это детство, остановленное во времени. Я уж сама бабушка, но продолжаю хранить в своём сердце теплоту и нежность к своей бабушке".

Из рассказа моей собеседницы я узнала, как сложилась жизнь Ирины Кузьминичны.

Владивосток стал её судьбой, сюда они приехали всей семьёй в 1913 году. Здесь прошло её детство, юность, здесь встретилась со своей любовью, вышла замуж, родила и вырастила сына, пережила раннюю смерть мужа. И последний свой час встретила здесь, во Владивостоке, похоронена на Морском кладбище.

Трудовая биография десятилетней девочки началась с работы прислугой в доме семьи Заседателева, известно-

го в городе архитектора. А далее ступенька за ступенькой двигалась она по жизни, постоянно работая над собой. В первую очередь — образование. Сначала курсы ликбеза, где и познакомилась со своим будущим мужем, преподававшим в школе, под его влиянием вступила в ряды ВКП(б). Затем окончила партийную школу, курсы ЦК ВКП (б). Получила назначение — инструктор партийной организации Фрунзенского района Владивостока, а в годы войны была заведующей орготделом.

"Наверно, моя бабушка вряд ли годится для того, чтобы стать героиней тыла, ведь она не стояла у станка, не служила на корабле, но, по рассказам папы, бабушка всю себя отдавала работе. Она мало говорила о том времени. Как-то мы гуляли по ночному Владивостоку... Всё кругом залито светом. Красота!" А в годы войны — говорит бабушка — кромешная тьма. В мои обязанности входило создать молодёжные группы и патрулировать улицы города, чтобы нигде пятнышка света не было. После работы, усталые, обходили улицу за улицей, темно, дороги в колдобинах, часа через три сдавали службу другому отряду".

Конечно, измерить величину вклада в общее дело партийного сотрудника трудно, но возможно. Работа с людьми — это интересно и сложно. Повседневный круг дел Ирины Кузьминичны — подготовка пленумов, работа с партийными организациями, семинары, инструктаж, лекции, политзанятия. Военное время сплотило весь народ, ряды партии, её авторитет среди масс активно рос.

"Моя бабушка была предана идеям партии, служила честно и ответственно. Эти качества привива-



ла и мне, убеждая: дали задание – выполни, и не абы как, а хорошо и даже отлично. Вот поручили выпустить праздничную классную газету к 1 Мая. В других классах нарисовали красивую картинку и поздравление всем, а мы с бабушкой выпустили газету – интервью, ответы ребят на вопрос, что значит для них этот праздник, и фотографии всех участников опроса. Около нашей газеты была просто толпа, всем хотелось увидеть и прочитать. Бабушка обняла меня и сказала: "Всегда так относись к работе, какой бы малой она тебе ни казалась". Сколько помню бабушку, вижу её с газетой в руках: "Правда", "Труд", "Гудок".

Слушая Ирину Владимировну, я рассматриваю бесценные фотографии и документы. На большой групповой фотографии взрослые и дети – это период работы Ирины Кузьминичны в комитете по борьбе с беспризорностью; несколько портретных фотографий в разные годы жизни, фотография на рабочем месте в кабинете. Свидетельство об окончании двухгодичной совпартшколы, удостоверение о том, что работает в аппарате Фрунзенского РК ВКП(б), ещё одно – должность заворготделом и ещё одно – избрана X парткон-



ференцией в состав Владивостокского ГК ВКП(б). И самое главное среди них – награждение медалью "За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны". И, конечно, множество грамот.

Ирина Кузьминична, как принято говорить, простой рядовой человек, прожила достойную жизнь, ярко отражая лучшие качества людей своего времени. Такими, как она, и сильно наше государство.



Записала по воспоминаниям
читателя И.В. Кочубейниковой
ведущий библиотекарь МБУК ВЦБС им. И.У. Басаргина
Н.Е. Матяш





ОБ АВТОРАХ

Афиногенова Ольга Викторовна

Инженер-технолог. Отец – военный, поэтому побывали во многих местах России, включая г. Калинин (Тверь) – здесь их застала война, затем г. Анива (Сахалин) и, наконец, Владивосток. Вся трудовая деятельность после окончания Дальнрыбвтуза связана с рыбной промышленностью, трудовой стаж – 36 лет. Имеет награды: медаль «Ветеран труда», медаль «150 лет Владивостоку», знак «Победитель соцсоревнования 1974, 1976, 1979 года».

Прекрасная семья, уже отмечена замечательная дата – золотая свадьба, вырастили двух сыновей и двух внуков. Ольга Викторовна активно занимается общественной работой: она – председатель месткома, член комитета «Дети войны», заместитель председателя клуба при администрации «Добрая встреча».

Бойко Раиса Семёновна

Ветеран Великой Отечественной войны, закончила военную школу техников железнодорожного транс-

порта в Хабаровске. На плечи молодого специалиста легла ответственность за безаварийное прохождение поездов, ежедневно докладывала в Москву о состоянии дел на её участке железной дороги. Имеет награды: медаль «Ветеран труда», медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», юбилейные медали «50, 60, 65, 70 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», знак «Отличный связист».

Семья жила в небольшом городке Облучье. Отец – рабочий, мастер высокого класса, мать – домохозяйка, четверо детей. Все получили образование, вышли в люди.

Раиса Семёновна вместе с мужем, тоже ветераном войны, воспитали двух сыновей, имеют внука и правнука.

Бутовец Нелля Ивановна

Экономист, приехала во Владивосток по приглашению сестры. Девочки были дружны, всячески поддерживали друг друга.

Вместе с мужем, в браке с которым счастливо живёт уже сорок третий год, вырастили двух дочерей, имеют внучку и двух правнуков.

За честный и добросовестный труд награждена медалью «Ветеран труда», знаком «Отличник торговли», памятным знаком «70 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

Нелля Ивановна более двадцати лет пела в различных музыкальных коллективах – «Военная песня», украинский хор и другие. В клубном объединении «Исток» её называют «наша певунья».

Долгих Анна Кузьминична

Инженер, после окончания судостроительного техникума работала на Дальзаводе, оттуда же ушла на

пенсию, трудовой стаж – 40 лет. Имеет награды: медаль «Ветеран труда», памятная медаль «90 лет Великой Октябрьской Социалистической революции», знак «Победитель социалистического соревнования 1975 года», знаки «60 и 65 лет Победы в Великой Отечественной войне», памятный знак «65 лет окончания Второй мировой войны», знак «155 лет городу Владивостоку», знак «100 лет Дальзаводу», знак «25 лет Владивостокской организации ветеранов».

До войны семья жила в Донбассе, затем эвакуировалась в Краснодарский край (станица Архангельская). Оказались в оккупации, после освобождения советскими войсками какое-то время жили в станице, затем завербовались на Дальний Восток. Вместе с мужем И.Е. Долгих, с которым прожили в счастливом браке 59 лет, участником Великой Отечественной войны, активно занимались общественной работой по патриотическому воспитанию молодёжи. Вырастили двух сыновей, имеют трёх внуков, двух правнука.

Егорова Надежда Самойловна

Родилась в селе Глазовка Лесозаводского района Приморского края. По окончании школы поступила в Уссурийское культпросветучилище, получила распределение на Камчатку, вела уроки пения, руководила хором. Вышла замуж, но муж вскоре умер. Переехала во Владивосток, в течение 36 лет работает в книготорге. Добросовестный труд Надежды Самойловны отмечен грамотой Министерства комитета по печати, медалью «Ветеран труда». Активно работала в обществе книголюбов. Воспитала двух дочерей, имеет двух внучек и двух правнучек.

Левченко Елена Емельяновна

Или просто бабушка Лена, вырастила четверых детей, перенесла все тяготы и муки войны и оккупации.

Трудилась с малых лет — нянейкой, прачкой, санистаркой в больнице. Прожила 86 лет. Была окружена любовью детей и внуков, уважением всех, кто её знал. Памяти милой бабушки посвящён рассказ «Блины» на сюжет, рассказанный ею.

Лысенко Розуля Яхеевна

Война застала в Ленинграде вместе с родными — мамой, сестрой и братом. Им пришлось испытать все беды и ужасы блокады, пережить известие о гибели отца на фронте. В июне 1942 года были эвакуированы в Новосибирскую область, а после освобождения Ленинграда вернулись в родной город. Дом был разрушен, вместе с сестрой пять лет прожили в детском доме. Затем Розуля поступила в специализированное училище, куда направляли всех детдомовских детей, по окончании учёбы была направлена во Владивосток. Работала на Дальзаводе в течение 37 лет. В трудовой книжке две записи: принята и уволена.

Награждена медалью «Житель блокадного Ленинграда», «300 лет Санкт-Петербургу», «65 и 70 лет освобождения Ленинграда от фашистской блокады», памятными медалями «50, 60, 65 и 70 лет Победы в Великой Отечественной войне», медалью «300 лет Российскому флоту». Ветеран труда. Воспитала дочь, имеет двух внуков.

Матяш Людмила Ивановна

Музыкант, закончила музыкальное училище во Владивостоке и Институт культуры в Хабаровске. После двух лет работы педагогом в г. Находка была назначена директором музыкальной школы № 1, далее — директор музыкального училища Находки, позже — Владивостока. Трудовой стаж 55 лет. Имеет награды: почётное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации», медаль «Ветеран труда»,

медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», нагрудные знаки «Отличник культурного шефства над Вооружёнными Силами СССР», «Ударник 9-й пятилетки», «Победитель соцсоревнования 1974 года». Дважды (1971, 1975 гг.). избиралась депутатом Находкинского городского Совета.

В годы войны семья жила в г. Чита. Мама – инвалид детства, отец воевал, был комиссован в 1943 г. и вскоре умер. Троє детей... Жили трудно, голодно. Но все сёстры выучились, создали семьи. Людмила Ивановна прожила с мужем душа в душу 48 лет, имеет dochь и двух внуков.

Матяш (Соколова) Наталья Евгеньевна

В июне 1941 года ей было без малого три года. Начало войны застало семью в г. Архангельске, мама работала экономистом в управлении порта, отец нёс службу на военных судах. В 1943 г. семья переехала к новому месту службы отца, во Владивосток. Затем жили на Сахалине.

По образованию Наталья Евгеньевна педагог, окончила Сахалинский педагогический институт. Многие годы преподавала историю и литературу в средней школе № 10 и музыкальном училище г. Находка Приморского края. Переbrавшись во Владивосток, плотоядно работала в библиотеке им. И.У. Басаргина (МБУК ВЦБС). Заслуженный работник культуры РФ, ветеран труда. Прекрасная мать и бабушка, весёлый, общительный, отзывчивый человек.

Пржевальская Валерия Алексеевна

Родилась в Ленинграде, вместе со своими родителями пережила все 900 блокадных дней. Не было обуви и одежды, поэтому в школу пошла в восемь с половиной лет. Далее закончила Ленинградский радиопо-

литехникум. Вместе с мужем переехали на Украину. Валерия Алексеевна активно занималась общественной работой, трижды избиралась депутатом городской Думы. Далее переехали в г. Муром, где она тоже была избрана депутатом городского Совета.

С 1992 года живёт во Владивостоке, является заместителем председателя «Общества жителей блокадного Ленинграда». Имеет дочь, любящих внуков и правнуков. Честный и добросовестный труд Валерии Алексеевны отмечен наградами: знак «Ударник Коммунистического труда 1975 года», «Победитель соцсоревнования 1977 года», медаль «Ветеран труда», медаль «Житель блокадного Ленинграда», «300 лет Санкт-Петербургу», юбилейные медали «60, 70 и 75 лет со дня снятия блокады Ленинграда», медаль «Ветеран блокадного движения «Был город-фронт, была блокада», юбилейные медали «50, 60, 65 и 70 лет Победы в Великой Отечественной войне».

Рыжакова Виктория Савельевна

Бухгалтер, её жизнь прошла в Приморье. В 1960 году вышла замуж и переехала во Владивосток, вырастили с мужем двух сыновей, имеют двух внуков. Трудовые успехи Виктории Савельевны отмечены медалью «Ветеран труда», имеет медаль «Дети войны». Была депутатом сельского Совета в с. Кангауз (ныне Анисимовка) и депутатом городского Совета Владивостока.

Старовойтова (Соколова) Валентина Евгеньевна

Родилась во Владивостоке, детство провела на Сахалине, в г. Холмске. Окончила филологический факультет Дальневосточного государственного университета. Пробовала силы в журналистике, на педагогическом поприще, в издательском деле. В течение многих лет работает редактором научной и учебной

литературы. Член Союза журналистов России. Жена, мать и бабушка.

Юлина Нина Николаевна

Фармацевт, закончила Владивостокское фармацевтическое училище, семнадцать лет проработала в аптеке № 33, затем – инженер-химик на военном заводе и мастер цеха на Дальхимпроме. Трудовая жизнь отмечена наградами: медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», медаль «Ветеран труда», многочисленные грамоты. В годы войны семья Нины Николаевны жила в г. Горьком, где шли бои. Она навсегда запомнила и бомбёжки, и вой сирены, и бомбоубежища. По окончании войны переехала во Владивосток, вышла замуж, прожили вместе 22 года, вырастили сына.

Орловская Галина Васильевна

Журналист, редактор, ветеран труда, стаж работы 54 года.

Родилась в Спасске-Дальнем. Так сложилось – школу закончила в Новосибирске, профессию журналиста получила в Казахстане. Работала на целине телевизионщиком, затем газетчиком. Имеет награду за освоение целинных и залежных земель и другие.

В 1970-е годы с мужем прибыли во Владивосток. Работала на студии телевидения, затем в Издательстве ДВО РАН. Дочь – врач, внучка – маркетолог.

Мельникова (Шепард) Светлана Александровна

Родилась Светлана, послевоенный ребенок, у бабушки в Партизанске. Детство прошло в дальневосточных гарнизонах. Служили всей семьей, охраняя дальневосточные рубежи России. После окончания школы училась в Приморском культурно-просветительном училище на библиотечном отделении. По распределению (в 1967 году) недолго работала в районной библиотеке с. Вольно-Надеждинское, но потом на долгие годы связала себя с работой в Приморском книготоргове.

В 1977 году заочно закончила филологический факультет ДВГУ. Всегда любила работать с книгой и документами, общаться с разными людьми, много читала. Несколько раз по разным причинам меняла направления своей деятельности. Это была работа в отделе информации проектно-технологического треста, краевой библиотеке им. Горького, Коммерческой школе при ДВПИ, Институте переподготовке и повышения квалификации работников госслужбы, в отделе обеспечения Налоговой инспекции Ленинского района города. Около четырёх лет жила в Ленинграде и Гатчине, куда приехала с мужем на время его учёбы, там работала в Областном агентстве "Союзпечать", но в 1974 году вернулась во Владивосток. Общий трудовой стаж — около 40 лет. Неоднократно награждалась почетными грамотами предприятий.

Есть сын и внучка. Последние 15 лет, после выхода на пенсию, живёт в США, выйдя замуж за гражданина Америки (в настоящее время находится в статусе вдовы). С большим удовольствием приезжает домой во Владивосток и всегда с интересом читает новости, особенно связанные с культурной жизнью страны, города и Приморья, не теряя связи с Родиной.

Роенко Наталья Григорьевна

Окончила Санкт-Петербургский университет культуры, кроме того, имеет диплом преподавателя русского языка и литературы. Работала 20 лет учителем в гимназии № 2 г. Владивостока. Сейчас на пенсии. На общественных началах руководит танцевальной группой "Полянка", в репертуаре которой народные танцы; возрастной состав — пенсионеры. Группа принимает участие в концертных программах городских мероприятий, где её всегда хорошо встречают, имеет грамоты, благодарственные письма. По словам Натальи Григорьевны, "Полянка" не позволяет участникам "сидеть на лавочке", они ведут активную, насыщенную событиями жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|---|----|
| К читателю. Е. Первушкина | 3 |
| Ровесники Победы. В. Старовойтова | 6 |
| <i>Н. Бутовец.</i> Вставай, страна огромная | 7 |
| <i>В. Рыжакова.</i> Я вернусь | 10 |
| <i>В. Пржевальская.</i> Звезда из фольги | 12 |
| <i>Л. Матяш.</i> Кусочек хлеба | 14 |
| <i>Р. Лысенко.</i> Малиновое одеяло | 16 |
| <i>А. Долгих.</i> Патефон | 19 |
| <i>Р. Бойко.</i> Любовь | 22 |
| <i>Е. Левченко.</i> Блины | 26 |
| <i>О. Афиногенова.</i> Счастье | 29 |
| <i>Н. Матяш.</i> Новый год 45-го | 31 |
| <i>Н. Егорова.</i> Люди остаются людьми | 34 |
| <i>Н. Юлина.</i> Эхо войны | 36 |
| <i>Н. Матяш.</i> Всё опять повторится сначала | 38 |
| <i>Памяти отца.</i> В. Старовойтова | 42 |
| <i>Г. Орловская.</i> Ладога, моя ты Ладога... | 44 |
| <i>С. Мельникова.</i> Что я помню | 47 |
| <i>Н. Роенко.</i> Руки мастера | 53 |
| Моя бабушка – герой! | 56 |
| Об авторах | 60 |

Память сердца

Рассказы

Составитель Н.Е. Матяш
Корректор В.Е. Степанова
Дизайн, вёрстка Г.П. Писаревой
Формат 60x84/16. Бумага офсетная
Усл. п. л. 3,35. Уч.-изд. л. 3,1